

Ци Гу так и не сумел получить от призрачного младенца никакой информации. Он мог лишь приблизительно заключить, что у неё нет злого умысла: малышка не умела ни говорить, ни писать и даже ничего не видела.

Оставалось расспросить следующего человека о том, что происходило с ним при жизни.

Лю Юэ съёжилась на стуле и уже почти не слышала остального. В голове у неё снова и снова звучало предположение Ци Гу, а взгляд сам собой тянулся к призрачной девочке, сидевшей на корточках в углу. Та была невероятно маленькой и худой — казалось, даже меньше той-пуделя. Она неподвижно жалась к стене, а на почерневшем личике тускло белели невидящие глаза.

— Она не хотела причинить тебе вреда, — снова отозвались в ушах Лю Юэ слова Ци Гу.

Получалось, этот призрачный младенец вовсе не «брал деньги и ничего не делал», как она думала, а наоборот — делал работу и ничего за неё не получал... Лю Юэ мгновенно почувствовала себя злобной капиталисткой, которую впору вешать на фонаре.

Поколебавшись несколько секунд, она наконец решилась, подошла к девочке и подхватила её на руки. От прежнего свежего цитрусового запаха рядом с Лю Юэ уже ничего не осталось — только неприятная вонь разложения.

Призрачная девочка лишь замерла от неожиданности, растерянно подёргалась несколько раз, а потом вполне спокойно перестала сопротивляться.

Объятия были холодными и пахли гнилью, но это всё равно было лучшее, что ей когда-либо доставалось.

*

Злое искусство, связанное с Сюэ Юй, оказалось таким же, какое раньше использовал Хуан Голян: продолжительность чужой жизни обменивалась на удачу. И Сюэ Юй действительно получила богатого парня из второго поколения богачей, который сорил деньгами и словно лишился рассудка — тратил на неё сколько угодно и выполнял любое желание.

Сюэ Юй прежде думала, что ей просто невероятно повезло. А теперь выходило, что это парень попал под действие злого искусства. Ну конечно: мужчина, у которого есть деньги и который при этом ещё и любит тебя, существует только в книгах и двумерном мире.

Но очень скоро она поняла ещё одну проблему — чью именно удачу она заимствовала?

Во время съёмок они просто нашли какого-то актёра массовки и велели ему лечь на неизвестно настоящую или поддельную гробовую доску. Красные восемь знаков рождения на доске реквизитор тоже написал от руки, не особенно задумываясь.

Как столь небрежно проведённый ритуал вообще мог сработать?

И если заимствование удачи действительно получилось, почему умерла всё равно она сама?

На первый взгляд все эти злые искусства обещали «предназначенным судьбой людям» лёгкую выгоду без всякой платы. Тогда почему в итоге эти самые «избранные судьбой» один за другим погибли?

Ци Гу ничего не стал комментировать. Он расспросил о содержании злого искусства, связанного с Линь Юсином, а затем посмотрел на Жэнь Аня и попросил рассказать, что происходило с его персонажем.

Жэнь Ань ответил:

— У меня всё было не так наглядно, как у них. Ради сюжетного поворота мой герой был мелким мошенником без настоящих способностей, который продавал людям фальшивые злые ритуалы и выманивал деньги. Когда он обманул троих предыдущих персонажей, то купил жареного цыплёнка и зашёл в какой-то полуразрушенный храм. Там он загадал желание перед обветшавшей статуей божества: попросил, чтобы его ложь не раскрылась и чтобы ему и дальше было на что покупать жареных цыплят... Потом кадр сменялся, неизвестно сколько времени проходило, и показывали, что он внезапно умер прямо в храме, а во рту у него ещё торчал кусок курицы.

Жэнь Ань отвечал последним, поэтому заранее успел всё обдумать и теперь без запинки пересказал историю от начала до конца.

Если послушать, самым подозрительным в этом сюжете становилось именно божество из истории Жэнь Аня. Его персонаж был мошенником, злые ритуалы, которым он учил остальных, являлись лишь дешёвой мистификацией, а сам он ничего не понимал в мистических искусствах. Но стоило ему однажды загадать желание перед статуей в разрушенном храме — и три предыдущих злых ритуала каким-то образом стали настоящими.

А в реальности самым подозрительным человеком в съёмочной группе «Зла» был реквизитор. Гробовая доска, буддийский амулет, статуя божества и разрушенный храм — всё это заранее готовил именно он. И буквально с каждой вещью оказалось что-то не так. Кто после такого поверит, что он был совершенно ни при чём?

Ци Гу спросил Сюй Лэяня:

— Кто у вас был реквизитором?

— Реквизитор? Ну тот... тот самый... — Сюй Лэянь осёкся и вдруг не сумел выдать из себя ничего внятного.

Лю Юэ не выдержала:

— Режиссёр Сюй, вам с такой памятью уже правда пора что-нибудь для мозга принимать. Хорошо, что вы теперь умерли, а то я бы боялась сниматься в ваших фильмах: вдруг вы забудете, что было в предыдущей сцене. Наш реквизитор ведь был... кто же это был?

Лица Сюэ Юй и Жэнь Аня мгновенно побледнели.

В их воспоминаниях реквизитор явно был человеком, с которым они хорошо ладили, но имя его никто не мог вспомнить, как ни старался.

Сюэ Юй сказала:

— Если не ошибаюсь, он вроде был коротко стрижен и немного полноват?

Сюй Лэянь возразил:

— Что за чушь? Он же был худой как жердь.

Лю Юэ нахмурилась:

— А мне почему-то кажется, что реквизитором была девушка. Довольно застенчивая.

...

Ци Гу примерно понял, что происходит, и вместо этого спросил, каким им запомнился сценарист.

Как и ожидалось, он получил четыре совершенно разных описания, настолько далёких друг от друга, словно речь шла о четырёх разных людях. Каждый просто бессознательно дорисовал внешность, которая, по его мнению, должна была соответствовать этой должности.

И после этого они ещё утверждали, что в съёмочной группе всё было нормально и за время работы ничего не произошло!

Да там странностей уже было столько, что складывать некуда!

— Даже если реквизитор и сценарист были призраками вроде нас, стоило нам хоть раз начать их обсуждать — они же сразу бы прокололись, верно? — сказал Сюй Лэянь. — Я-то ладно, но вы трое наверняка не раз перемывали людям кости в своём чате?

— Режиссёр Сюй, вы... удивительно хорошо нас знаете, — отозвалась Сюэ Юй и достала телефон.

Она начала листать общий чат четырёх актёров. Подобные группы обычно существовали лишь на время одной съёмки: после окончания проекта в них больше никто не писал. Эта ожила только из-за нынешнего приглашения Сюй Лэяня.

Поэтому Сюэ Юй быстро докрутила историю сообщений до дат съёмок.

Но сколько они ни листали переписку сверху вниз, там не нашлось ни единой фразы о тех двух сотрудниках. Будто все молча считали само собой разумеющимся, что реквизитора и сценариста обсуждать не нужно.

Услышав их рассказы, Ци Гу уже не питал на этот счёт никаких надежд и искренне посоветовал:

— В следующей жизни будьте внимательнее. Не проживите её опять настолько бестолково.

Стоило ему слегка подтолкнуть их мысль, как эти четверо сразу замечали несоответствия. Значит, способность той сущности запутывать восприятие была не особенно сильна. И всё же ни один из них ничего не заподозрил — действительно жили бестолково.

— Этот призрак, вероятно, умеет искажать восприятие и заставлять вас считать его любым знакомым человеком из вашего окружения. Так он заманил вас в ловушку и лишил жизни, — сказал Ци Гу. — А тот, кто стоит за ним, или, другими словами, злой бог, которому поклонялся Жэнь Ань, явно гораздо сильнее.

Линь Ханьчжи протянул Ци Гу уже открытую бутылочку лаймового сока, чтобы тот смочил горло, а затем сказал:

— Перечислите все места, где снимали «Зло». По очереди, подробно.

А ведь у съёмочной группы «Зла» и впрямь была какая-то особая удача: уж если нарваться на призрака, то сразу на такого крупного. Одним ударом — и вся группа отправилась на тот свет.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/19046/1949177>